

Вэй Хуань замерла, глядя на меня. Мгновение назад я изо всех сил хотела её увидеть, но теперь, когда она передо мной, её поведение вызвало во мне досаду. Я нарочно не остановилась, заставив её ускорить шаг, и лишь тогда сказала: «А-Ян — моя кормилица, она со мной с детства, и я всегда доверяла ей больше всех. Не осуждай её». На самом деле я не испытывала к А-Ян таких тёплых чувств, как утверждала, — эти слова вырвались скорее от досады. Но сама не понимала, откуда взялась эта злость. Вэй Хуань, похоже, тоже не ожидала моего резкого ответа, надолго замолчала и наконец тихо произнесла: «Хорошо».

Её покорность заставила меня почувствовать неловкость. Я невольно остановилась, хотела что-то сказать, но не находила слов. Молчать тоже было неловко. Она тоже замерла, молча уставившись в землю. В её позе сквозила какая-то отстранённость, уголки губ были слегка опущены, правая рука сжимала левую, безвольно опущенную перед собой. Спустя долгое время она наконец позвала: «Сыцзы».

Многие называли меня так, но мало кто умел произнести это имя так, чтобы оно отзывалось в сердце. Из-за этих двух слов я, пожалуй, могла бы простить её маленькую хитрость. Но она опередила меня: «Сыцзы, я подумала: между нами всё же есть разница в статусе. Давай впредь не будем так бесцеремонно общаться. Это не пойдёт на пользу ни тебе, ни мне».

Я сама тысячу раз думала об этом под одеялом, но ни разу не решалась высказать вслух. А теперь она произнесла это первой. Ведь я — принцесса, а она всего лишь побочная ветвь клана Вэй из Цзинчжао. По логике вещей, это она должна была лебезить передо мной, умоляя о моём внимании и благосклонности. Но теперь она с серьёзным видом просит меня не быть с ней слишком близкой. Видимо, все эти разговоры о феодальной иерархии и отношениях между государем и подданными, о которых твердили в учебниках и придворные, — пустой звук. Мой статус принцессы оказался совершенно бесполезным: он не защищал от дворцовых интриг и не делал привлекательнее. Сушая обуза!

С точки зрения Вэй Хуань, я — человек, который ничем не выделяется: ни красотой, ни умом. Кроме обременительного титула, мне не на что опереться, да к тому же я часто капризничаю и бываю непредсказуема. Неудивительно, что она не хочет со мной дружить. Окажись я на её месте, наверное, тоже не стала бы связываться с такой особой. Подумать только, я раньше наивно полагала, что она может испытывать ко мне симпатию! Какое самовлюблённое заблуждение. Может, мне, уродливой жабе, и правда стоит поскорее забыть о лебеде? Так и душе спокойнее: не придётся бояться, что кто-то разгадает мои чувства, и не навлеку на неё неприятностей из-за своих сумбурных желаний.

В голове пронеслась тысяча мыслей, но вслух я выжала лишь одно: «Хорошо». Сказать это было нелегко. Я изо всех сил растягивала губы в улыбке, не позволяя им опуститься, чтобы не выглядеть удручённой. Я изо всех сил щурила глаза, чтобы сдержать слёзы и не показать слабость. Вэй Хуань права: между нами пропасть. Я должна держаться как принцесса и не позволять этой дочери мелкого чиновника смотреть на меня свысока. Всего-то и делов — найти друзей! Стоит мне сказать слово, и сколько людей будут плакать, умолять, молить о дружбе! В двух столицах десятки тысяч людей — неужели среди них не найдётся подходящей компании? А что до моих чувств к ней... Мне всего двенадцать, у меня даже месячные не начались, и даже с учётом туповатой прошлой жизни я ещё не распустилась. Разве я что-то понимаю? Может, позже встречу какого-нибудь красивого мужчину и забуду о Вэй Хуань. Ерунда, не стоит внимания!

Не помню, как вернулась. Знаю только, что всё время улыбалась. Пусть улыбка была натянутой, а шаги — неуверенными, но я улыбалась. Приближался новый год, отец говорил, что со свадьбой наследного принца и началом его правления в стране наступит новый этап. В

следующем году начнётся эра Гуанци, и я больше не могу позволять себе расслабляться. Мне нужно измениться: больше читать, ездить верхом, играть в мяч, как следует влиться в эту эпоху и спокойно... оставаться принцессой Чанлэ.

Этот новый год прошёл так же весело и мирно, как и предыдущие. Засуха в Чанъане и набеги туганьцев на границах не омрачили настроения при дворе. Отец с матушкой, правда, слегка урезали трапезы, но по-прежнему днями напролёт пировали с сановниками и роднёй, раздавая народу вино и мясо. Среди знати традиция взаимных пиров стала ещё пышнее: празднества шли с Нового года до Жэньжи, Чжуньюаня и Личуня почти без перерыва. Я с радостью погрузилась в эту суету, чтобы забыть о своих чувствах к Вэй Хуань, и принимала все приглашения. Родители, учитывая, что я взролею, меня не ограничивали.

Раньше я предпочитала выходить одна, а если приходилось брать свиту, то лишь самых близких. Но в последние месяцы меня потянуло на пышные процессии. Теперь, покидая дворец, я требовала не только полного церемониала, но и звала всех своих спутниц вместе со слугами. Без этой сотни человек, окружавших меня, я чувствовала себя голой рыбой на разделочной доске — одинокой и незащищённой.

Остальные, видимо, заметили эту мою слабость, и в приглашениях стали упоминать и моих спутниц. Конечно, возможно, они на самом деле хотели видеть именно их, но вынуждены были включать и меня.

В день Личунь, когда во дворце не было пира, а лишь раздали украшения, Дугу Шао устроила пикник на берегу реки Ло. Будучи знатной дамой, я ожидала пышного приёма и надела парадное платье, украсившись весенними аксессуарами и драгоценностями. Однако, прибыв на место, я увидела только Дугу Шао и Дугу Минь. Дугу Шао была в остроконечной шапке и ярком кафтане с узкими рукавами, подпоясанном золотым ремнём с нефритовой пряжкой. У её пояса висел короткий меч в золотых ножнах, на ногах — шёлковые туфли с загнутыми носками. В руке она держала пёстрый плёткий кнут, а под ней был вороной конь с белыми отметинами на лбу и двух копытах. Дугу Минь была одета так же, но в золотисто-красном, и сидела на гнедом коне, задумчиво глядя на реку Ло.

Увидев меня, Дугу Шао улыбнулась и сказала: «Не ожидала, что Эрнян будет так пунктуальна. Думала, придётся подождать».

Я удивилась: «Мы договорились на полдень, а я вышла чуть позже. Сейчас уже первый час дня. Разве это пунктуальность?»

Дугу Шао подъехала ближе, оглянулась на мою свиту и рассмеялась: «Эрнян, ты не знаешь — сейчас все заняты. Люди мечутся с одного пира на другой, и если кто приходит к назначенному часу, это уже чудо. А ты явилась на целый час раньше, так что это точно пунктуальность!»

Я проследила за её взглядом и увидела Цуй Мин-дэ, отставшую на полкорпуса. Поняв намёк, я лишь улыбнулась.

Цуй Мин-дэ только что рассказывала мне о реке Ло, и мы весело болтали, но теперь она замолчала, устремив взгляд на летающих ласточек.

Дугу Шао, не обращая на это внимания, спокойно повела нас вдоль реки. Пройдя около полули, мы увидели шатёр, возле которого толпились десятки слуг. Когда мы спешили, они отвели коней, а у входа в шатёр нас встретили служанки в хуфу и высоких туфлях. В руках они держали искусно вырезанные золотые и красные цветы, украсили ими наши причёски, а затем

подали свежие фрукты.

<http://bllate.org/book/16278/1466143>